

Л. Н. Тыбыкова

*Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленина, 9/1, Горно-Алтайск, 649000, Республика Алтай*

lar.tybykova@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ ПӨТҮК ‘ПЕТУХ’ И ТАКАА ‘КУРИЦА’ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Представления о тех или иных качествах у носителей алтайского и русского языков связано с одним и тем же кругом зоо-образов, однако объем значений отдельных зоо-образов может не совпадать. Зооморфизм *пөтүк* ‘петух’ в алтайском языке имеет черты сходства с образом *петух* в русской языковой картине мира. Он обозначает поведение задиристого, драчливого, горластого человека. Отличие от русского образа состоит в том, что в первую очередь он связан с возрастной характеристикой – поведением мальчиков или молодых парней, так как поведение взрослых мужчин в традициях алтайского народа должно быть степенным и неторопливым. Образ *такаа* ‘курица’ лежит в основе характеристики низких умственных способностей мужчин и женщин, он употребляется в составе фразеологизма со значением ‘глупый’ (букв. ‘мозги курицы’). Сходство в семантической организации зооморфизмов в алтайском и русском языках может быть обусловлено принадлежностью к одной культурно-исторической общности (250 лет в составе России), а также одинаковыми ассоциативными механизмами, которые могут быть универсальными. В то же время в русском и алтайском языках актуализируются разные доминантные признаки.

Ключевые слова: алтайский язык, зооморфизмы, зоосемизмы, зоо-образы.

Зооморфизмами мы называем метафорические лексико-семантические варианты зоосемизмов, т. е. названия животных, проецируемые на человека, характеризующие и оценивающие его под разными углами зрения, например *змея* – о коварном человеке, *овца* – о кротком и смирном человеке.

Зооморфизмы широко используются в качестве оценочных личностных характеристик во многих языках мира. В тюркских языках еще далеко не закончена даже простая инвентаризация единиц выразительного фонда, почти нет специальных исследований по зооморфизмам. На современном этапе развития тюркской лексикологии актуальными задачами являются классификация этого материала, уточнение основных понятий и терминов для описания экспрессивного фонда каждого тюркского языка и разработка специальных методик его исследования.

Объектом активного лингвистического изучения зооморфизмы стали в 70-е гг. XX в. В исследовании, начатом М. И. Черемисиной и Е. А. Гутман [Гутман, Черемисина, 1970; 1972; 1974; 1976], впоследствии принимали участие специалисты, работающие с разными европейскими языками: английским [Литвин, 1974; 1975], немецким [Кудрявцева, 1979], русским [Рыжкина, 1980]. В последнее время наблюдается большой интерес к зооморфизмам в русском [Кожевникова, Петрова, 2000], казахском [Сансызбаева, 2000], алтайском [Тыбыкова, 2006; 2007; 2008] языках.

Описание семантики отдельного зооморфизма связано с вычленением в его значении компонентов – сем на основе данных, полученных различными путями. Поэтому задача описания семантики зооморфизмов перерастает в описание семантической структуры зоо-образа. Зоо-образом мы называем

систему ассоциаций и коннотаций, которая связана у носителей языка с определенной лексемой, называющей животное и допускающей проекцию на человека. Реализуется зоо-образ, или образ в метафорическом употреблении, в форме сравнений, производных и во фразеологизмах. В алтайском языке нет толковых словарей, где можно было бы найти лексикографические фиксации зоохарактеристик. Словари алтайского языка вообще не описывают зоохарактеристики, как это зафиксировано в словарях русского языка, поэтому описание было построено на текстовых и анкетных данных.

Квалифицируя тот или иной тип личности, зооморфизмы соотносят его с положительной или отрицательной оценкой. Негативные признаки преобладают над положительными и выражают различную степень негативности. Сравните, с одной стороны, резко отрицательные русские образы *свинья, скотина, зверь, животное, собака*, с другой – более мягкие образы неодобрения *рыба, гусь, заяц, попугай, стрекоза* и др. В ходе исследования мы старались подчеркнуть, что основной функцией зооморфизмов является не оценка, а характеристика.

Многочисленные сравнения с животными показывают, что в функции компаративного имени употребляется значительно более широкий круг зоологических названий, чем в функции характеристики.

Сопоставление исследования семантики зооморфизмов с учетом национально-культурных коннотаций особенно важно для изучения механизмов образного видения мира через язык этноса. В данном исследовании на примере зоо-образов *пõtүк* ‘петух’ и *такаа* ‘курица’ в алтайском языке можно увидеть богатство семантического содержания и их этнокультурную специфику.

Материалом наших исследований были преимущественно тексты из художественной литературы алтайских писателей. Зоохарактеристики в них, как правило, легко и тонко понимаются читателями, разгадывающими разнообразными поворотами образов. При наличии представительной выборки можно надеяться высветить основные переменные компоненты характеристики, выяснить отношения между ними, их иерархию и представить этот сложный, ускользающий от прямого описания смысл как единую и гибкую семантическую структуру.

Зоосемизмы составляют подсистему в тематической группе наименований живых существ и противопоставляются по характеру связи с денотатом: прямые и переносные ЛСВ, т. е. зоонимы и зооморфизмы.

Зооморфизмы, в свою очередь, образуют подсистему в системе характеристик человека и находятся в отношении противопоставления, с одной стороны, к неметафорическим словам типа *мымра, хмырь, охламон* и т. д., с другой – к метафорическим ЛСВ на базе других типов номинативных существительных.

Осуществить семантический анализ системы зооморфизмов фактически означает определить набор элементарных смыслов и закономерности их сочетания в семантической структуре зооморфизма.

Для решения поставленных задач мы применяли два типа взаимно дополняющих и контролируемых методик: анализ текстов и опрос носителей языка (тестирование). Анализ текстов был ведущим методом исследования.

Проведение опроса информантов имело целью получить данные о семантике и взаимных связях наиболее частотных зооморфизмов, которые содержатся в обыденном сознании носителей языка. Эксперимент проводился преимущественно в форме анкетирования и опроса информантов.

В данной статье анализу подлежат наиболее частотные в речи алтайские зооморфизмы, соотнесенные с домашними животными *пõtүк* ‘петух’, *такаа* ‘курица’. Алтайцы стали регулярно разводить этих птиц только в XX в. в связи с переходом на оседлый образ жизни.

Характеристики человека через зоо-образы *петух* и *курица* не столь широко употребительны в алтайском языке, в отличие от русского языка.

Семантика зоохарактеристики на материале русского образа *петух* впервые была подробно описана в статьях [Черемисина, Захарова, 1973; Черемисина, Соппа, 1973]. Семантическая структура характеристики *петух* предстает в русском языке как сложная система смысловых компонентов, в разной мере спаянных между собой. Эта характеристика зафиксирована многими словарями русского языка, которые определяют значение следующим образом: ‘о задорном человеке, забияке (разг.)’ [Ожегов, 1983. С. 455].

М. И. Черемисина и Н. С. Соппа отмечают, что в русском языке основной семантический вариант характеристики *петух* реализуется в ситуациях, когда характеризуемое лицо – всегда мужчина – обнаруживает воинственность, агрессивность, участвует в драке, схватке, споре или имеет интенции к такому поведению, но в то же время *петух* не опасен для окружающих, в отличие от *акулы*, *тигра* и даже *ястреба* [Черемисина, Соппа, 1973. С. 67].

В алтайском языке использование образа *пөтүк* ‘петух’ реализуется в основном в конструкциях с производным глаголом *пөтүксеер* ‘петушиться’ в метафорическом значении ‘горячиться, вести себя задиристо, запальчиво’. В художественных текстах не встретились метафоры, ФЕ с этим словом, что, видимо, и подтверждают нашу мысль о том, что семантика этого образа в алтайском языке недостаточно развита, так как с этими домашними птицами алтайцы, издревле ведущие кочевой образ жизни, были плохо знакомы. Это подтверждают и материалы алтайского героического эпоса, в которых не встречаются упоминания зоо-образов *пөтүк* ‘петух’ и *такаа* ‘кураца’. Позже, в XIX в., алтайцы познакомились с этими домашними птицами через русских крестьян и заимствовали из русского языка слово *петух*, подвергнувшееся в алтайском языке фонетической адаптации. Тем не менее эти образы уже вошли в современный алтайский язык, и в языковом сознании алтайцев формируется определенное представление о чертах человека, который характеризуется этими словами. В связи с этим надо признать, что образ *петуха* организован относительно просто.

Сема ‘воинственность, драчливость’ наиболее ярко представлена в следующих примерах: *Ол Тойчынын алдында согузарга белетенип алган пөтүк ошкош турды* (ПК, ТАП. С.126) – Он стоял перед Тойчы, как приготовившийся к драке петух; *Ол согузарга турган кичинек пөтүктый столдын толугында к ле бажы карарып турды* (ЛК, АК, С. 132) – У него только голова виднелась (букв. ‘чернела’) у края стола как у собиравшегося подражаться молодого (букв. ‘маленького’) петуха.

В обоих контекстах при помощи инфинитивной формы *Tv=арга* и причастной формы *Tv=ган* (*согузарга белетенип алган*

‘приготовившийся к драке’ и *согузарга турган* ‘как собирающийся подражаться’, выступающие определениями к слову *пөтүк* ‘петух’) раскрывается образ человека задиристого, готового ввязаться в словесную перепалку.

Образ *петуха* часто характеризует поведение мальчиков или молодых парней, так как эта птица в языковом сознании алтайцев вызывает ассоциации, связанные с задиристым и драчливым поведением. Например: *Эки уулчак – эки пөтүк – тушташкан ерде, эмди согуш баыталбай база* (ЖК, Ы-ЫС. С. 159) – Два мальчика – два петушка, если уж встретятся, сейчас же обязательно драка начнется; *Онын учун оок уулчактар, к чин билерге п т ктердий бригадирле кершикилеп турар болды* (ЛК, МЖ) – Поэтому маленькие мальчишки, как показывающие свою силу петухи, стали переругиваться с бригадиром. Сложный глагол-модуль *кершикилеп турар болды* ‘стали переругиваться’ и сравнительный образ *к чи билерге п т ктердий* ‘как показывающие свою силу петухи’, с одной стороны, свидетельствуют об экспрессивности вербального поведения персонажей, с другой стороны, демонстрируют неопытность при нарочитой «взрослости» этих мальчиков.

При прибавлении уменьшительно-ласкательного аффикса *-еи* *пөтүг=еи* ‘петушок’ зоо-образ приобретает более сильную эмоциональную оценку говорящего, подчеркивая его малость, неопытность на фоне взрослых, умудренных опытом мужчин. Зоо-образ *пөтүгеи* ‘петушок’ характеризует мальчиков, которые еще не выросли, и к ним обращаются с долей иронии, подчеркивая их возраст. Например: *А Метирей ле мен согушта. Же ол тушта бис аар-калап күчтү эки букага туней эмес, жүк ле эки пөтүгешке туней болгоньыс* (БУ, ОБТ. С. 81) – А Метирей и я в драке. Но в то время мы не были похожи на сильных и мощных быков, а всего лишь на двух петушков.

Глагол-модуль в форме взаимно-совместного залога *чокыжар* ‘клевать друг друга’ в его метафорическом значении обогащает содержание характеристики, где два человека в образе «петухов» предстают именно как участники, вступившие в словесную перепалку, обменивающиеся друг с другом колкостями и язвительными замечаниями по отношению к друг другу: *Слер пөтүктер*

чилеп бой-бойлорорды канчазын чокыжып ререр? (ПМА) – Сколько можете клевать друг друга, как петухи?

Следующий лексико-семантический вариант несет в себе характеристику отношения «мужчина – женщина» в значении ‘красоваться, гарцевать’. Рассмотрим это на примере: *Je агыс ла бир эмеш эби жогы ылгый такаалардын ортозындагы пөтүктый, журт ичинде пөтүксип турарда кем де оны аяруга албай турды* (КТ, КЈ) – Немного неудобства только в том, что никто не обращал на него внимания, когда петушился посреди деревни, как петух среди одних только куриц.

Эталон сравнения *ылгый такаалардын ортозында пөтүктый* ‘как петух среди одних только куриц’ уже ясно указывает на поведенческий мотив «один мужчина среди женщин», т. е. изо всех сил старается выглядеть более привлекательным. Этот образ несет в себе эталон «сексуально ориентированное поведение».

Производный от слова *пөтүк* ‘петух’ глагол *пөтүксип тур-* ‘петушиться’ описывает ситуацию, в которой уровень притязаний снижается. Со стороны это выглядит комично и несерьезно, поэтому подчеркивается, что, с одной стороны, никто не обращает внимание на человека, ведущего себя таким образом, а с другой стороны, такое поведение вызывает у говорящего чувство неловкости.

Использование образа *петуха* для обрисовки внешних проявлений поведения человека, манеры его поведения связано с образным представлением о петухе-птице, с живыми особенностями его внешнего вида, повадок, поз, которые устойчиво ассоциируются с определенным набором признаков в сознании носителей языка. В этом контексте речь идет о молодых парнях, поведение которых резко осуждается алтайским этикетом. Например: *Бийе ненин де учун канаттарын жайа тудуп, олорды жерле тылырада сүүредип, такаанын кийнинен сүрүшкен пөтүктин ойынына тунгей, баш ла болзын* (АА, ЈТЈ. С. 258) – Ну надо же, танец был похож на (брачную) игру петуха, который, распутив крылья, по земле шумно волоча, бегал за курицами; *Тирү ашла азыраган пөтүк чилеп кертендеп, кержендеп ле туру* (КТ, КЈ. С. 293) – (Он), как наевшийся свежего зерна петух, все головой трясет с важным и самодовольным видом; «*Эйе, сол*

жаны аар!» – *Бажы пөтүктин чилеп омоксымак атрайган ла күлүмзиренчек жаактарында ойдыктарлу партизан сүүнчилү жөмөшти* (АФ, С. С. 146) – Партизан, у которого (волосы) на голове, как у петуха, задиристо торчали и с ямочками на смешливых щеках, радостно подтвердил: «Да, налево!»

Семантический компонент ‘рано встающий’ выбивается из тех семантических смыслов или оттенков, из которых выстроен образ *петуха*. Он зафиксирован нами только в устной речи информантов. Например: *Пөтүктый эртечил кижии* (ПМА) – Как петух рано встающий человек. Также информанты дают это же значение с зоо-образом *такаа* ‘курица’: *такааларла кожо турар кижии* ‘человек, встающий вместе с курицами’.

Таким образом, анализ показал, что зоо-образы петуха в сознании носителей русского и алтайского языков совпадают по всем основным параметрам. Различие состоит только в том, что образ *петуха* у русских чаще всего ассоциируется со взрослым мужчиной, у алтайцев – с мальчиками и молодыми парнями. Это связано, прежде всего, с традиционным неторопливым и степенным поведением взрослых мужчин-алтайцев. Такой тип поведения никак не соотносится с образом петуха, а молодежь еще может позволить себе некоторые вольности в поведении.

Образ курицы в алтайских текстах представлен в основном семей ‘заботливая мать’, которая обычно преданно оберегает и защищает своих детей. Например: *Такаа балдарын канадыла жаап, карчагадан бектеп тургандый, энези уулын адазына соктырбаска тонынын эдегиле жаап алган* (ПК, ТАП. С. 113) – Мать прятала своего сына под подолом пальто, чтобы отец не избил его, будто курица, прячущая от коршуна под крылом своих деток; *Онын учун Чечектин жанына күлүмзиренип койгон базып келерде, Чечек балдарын корулаган эне такаа чылап, Попышка чурап келеле: «Кедес!» деп, жангыс сөс айтты* (ЈМ, Туул.тым. С. 88) – Поэтому когда с улыбкой стал подходить к Чечек, то она наскочила на него, как курица (букв. ‘курица-мать’), защищающая своих детей, сказала только одно слово: «Прочь!».

В русском языке сема ‘заботливая мать’ также связана с образом курицы-наседки, который, по нашему мнению, употребляется с некоторым оттенком иронии (ср., напри-

мер: *Ты носишься со своими детьми, как курица-наседка*).

В алтайском языке зоо-образ курицы, как и в русском языке, связан с семой 'глупый'. Глупую женщину, которая при этом еще вызывает большое раздражение, носители русского языка могут оскорбительно называть *безмозглой курицей*. Под влиянием русского языка, по-видимому, сформировался этот зоо-образ и в алтайском языке. В алтайской художественной литературе есть пример, где зафиксирована та же сема: *Такаалар ошкош мее жок немелер* (А.А, ОЧК. С. 30) – Вы как курицы безмозглые.

В русском языке известен фразеологизм *куриные мозги* – о человеке, который не обладает хорошими умственными способностями. Например: *А Петруша был и того ординарней. Вид мелкотравчатый, умишко куриный, натура гаденькая и похотливая* (И. А. Бунин). В алтайском языке сема 'глупый, не разбирающийся в ситуации' реализуется во фразеологизме *такаа башту* 'куриная голова' (букв. 'с головой курицы'), например: *Бу менинг бөлөм Боргор айтканыла «такаа башту кижиси» мен. Такаа бажыла болзо, кижиси сананып ла жүрбей* (ЖК, Ы-ЎС. С. 335) – Ну, как мой двоюродный брат Боргор говорит обо мне – «куриная голова». Хоть с куриной головой, человек ходит да думает.

В следующем примере этот оборот относится к мужчинам, которые с трудом разбираются в революционной ситуации 1917 г. в России. Представители алтайского народа на окраине империи не понимают важность произошедшего события, и поэтому, чувствуя свою беспомощность, говорящий уничижительно говорит про себя *такаа башту* (букв. 'с куриной головой'):

– *Жалчы? Кул? – деп, Гуркиннинг чырайы соой берди. – Бис эмди ончобыс жайым улус. Слер билеригер бе эмди кандый ой? – О, кудай баш... бис такаа башту улус...* (ЖК, Ы-ЎС. С. 132) – Слуга? Раб? – сказав, лицо Гуркина помрачнело. – Мы все сейчас свободные люди. Вы знаете, какое сейчас время? – О господи ... мы люди глупые (букв. 'с куриной головой').

Исследование показало, что даже сравнительно четкие и однозначные зооморфизмы, ориентированные на какое-либо одно качество 'задиристый' или 'глупый', обнаруживают в семантике немало компонентов, сопутствующих основному, что придает

своеобразие и уникальность каждой зоохарактеристике. В алтайском и русском языках совпадает доминантное значение зоо-образа *петух* как драчливого человека, которое состоит из таких семантических компонентов, как 'задиристый', 'горластый', 'воинственный', 'красующийся'. Зоо-образ *такаа* 'курица' используется во фразеологизме *такаа башту* 'куриные мозги'.

Представления о тех или иных качествах у носителей алтайского и русского языков связано с одним и тем же кругом зоо-образов, однако объем значений отдельных зоо-образов может не совпадать. Сходство в семантической организации зооморфизмов в данных языках может быть обусловлено принадлежностью к одной культурно-исторической общности (250 лет в составе России), а также одинаковыми ассоциативными механизмами, которые могут быть универсальными. В то же время в русском и алтайском языках актуализируются разные доминантные признаки.

Список литературы

Гутман Е. А., Черемисина М. И. Названия животных в составе сравнений // Вопросы языка и литературы. Новосибирск, 1970. Вып. 4. С. 253–266.

Гутман Е. А., Черемисина М. И. Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск, 1972. Вып. 3. С. 42–59.

Гутман Е. А., Черемисина М. И. Использование определений для выявления семантики зоохарактеристик // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1974. Вып. 3. С. 82–94.

Гутман Е., Черемисина М. И. Образные значения зоонимов в словарях // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. Вып. 5. С. 212–241.

Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. М.: Языки русской культуры, 2000. Вып. 1: Птицы. 476 с.

Кудрявцева И. А. Образно-экспрессивные лексико-семантические варианты существительного *wurt* (червяк) // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск, 1979. Вып. 10. С. 83–88.

Литвин Ф. А. Об изучении разновидностей зооморфных характеристик (на материале английского языка) // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск, 1974. Вып. 5. С. 81–92.

Литвин Ф. А. Зооморфизмы в синтаксической позиции определения (на материале английского языка) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1975. Вып. 4. С. 20–28.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1983.

Рыжкина О. А. Системное исследование зооморфизмов в русском языке (в сопоставлении с английским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 23 с.

Сансызбаева С. К. Казахско-русский словарь зооморфных характеристик человека. Алма-Аты, 2000. 87 с.

Тыбыкова Л. Н. К вопросу о семантической структуре зооморфного образа «собака» в алтайском и русском языках // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории государства Российского: Тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Бийск, 27–30 сентября 2006 г.). Бийск: БГПУ им. В. М. Шукшина, 2006. С. 115–124.

Тыбыкова Л. Н. The symbols of beauty in Altai zoomorphisms // *Turkic languages*. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 2007. Vol. 11, № 2. P. 211–225.

Тыбыкова Л. Н. Этнокультурная специфика зооморфного образа «медведь» в алтайском языке в сопоставительном аспекте // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы III Всерос. тюркол. конф., посвященной 110-летию со дня рождения Н. К. Дмитриева (Уфа, 27–28 июня 2008 г.). Уфа, 2008. Т. 1. Языкознание, Литературоведение. С. 252–260.

Черемисина М. И., Захарова А. В. Зоохарактеристика «петух» по данным опроса информантов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 69–73.

Черемисина М. И., Сопна Н. С. К вопросу о семантике зоохарактеристик (на материале русского образа «петух») // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 55–69.

Список источников

АА, ЈТЈ – Адаров А. Јаан телекейге јол. Горно-Алтайск, 1979.

А.А, ОЧК – Адаров А. Олүмни ча кыр кужу. Горно-Алтайск, 1993.

АФ, С – Фадеев А. Согулта. Горно-Алтайск, 1983.

БУ, ОБТ – Укачин Б. Олтүрген болзом торомды. Горно-Алтайск, 2002

ОК, Ў-ЎС.– Каинчин Ј. Ўстүбисте-Ўч Сүмер. Горно-Алтайск, 2003.

ЈК, Ў-ЎС – Каинчин Ј. Ўстүбисте-Ўч Сүмер. Горно-Алтайск, 1997.

ЈМ. Туул. тым. – Маскина Ј. Тууларды тымыгы. Горно-Алтайск, 1986.

КТ, КЈ –Төлөсов К. Кадын јаскыда. Горно-Алтайск, 1985.

ЈК, АК – Кокышев Ј. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1981.

ЈК, МЈ – Кокышев Ј. Мечин јылдыс. Горно-Алтайск, 1971.

ПК, ТАП – Кучияк П. Талдап алган произведениелер. Горно-Алтайск, 1953.

ПМА – полевые материалы автора.

Материал поступил в редколлегия 11.03.2015

L. N. Tybykova

SPECIFIC TRAITS OF ANIMALISTIC IMAGES *ПӨТҮК* 'COCK' AND *ТАКАА* 'HEN' IN THE ALTAI LANGUAGE

The concepts of personal qualities in the Altai and the Russian languages are connected to the same groups of animalistic images; however, the actual ranges of meanings might be different. The zoonym *пөтүк* 'cock' in the Altai language is similar to the image of a cock in the Russian worldview. It symbolizes the behavior of an aggressive, confrontational, loud person. What makes the Altai *пөтүк* special is its relation to age – the behavior of boys or young men, because according to Altai traditions, adult men are supposed to be mature and reserved. The image of *такаа* 'hen' is used to characterize the low intellect of men and women; it is included in the idiom with the meaning of stupidity (lit. 'hen brains'). The similarity in semantic organization of zoonyms in Altai and Russian may be explained by their belonging to the same cultural and historical community (250 years in Russia), as well as similar associative mechanisms which may be universal. At the same time, different dominant traits are activated in the Russian and the Altai language.

Keywords: the Altai language, zoonyms, zoosemantics, animalistic images.